

СИГРИДУР ХАГАЛИН  
БЪЁРНСДОТТИР

# ОСТРОВ



ОСТРОВ



*Гумми посвящается*



Нет человека, что был бы сам по себе, как *остров*; каждый живущий — часть *континента*; и если море смоеет *утес*, не станет ли меньше вся *Европа*: меньше — на *каменную скалу*, на *поместье друзей*, на *твой собственный дом*. *Смерть* каждого человека умаляет и *меня*, ибо я един со всем *человечеством*. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит *колокол*, он звонит и по тебе.

*Джон Донн (1572–1631)\**

Этими словами Эрнест Хемингуэй предварил свой роман «По ком звонит колокол».

---

\* Пер. А. В. Нестерова. — *Здесь и далее примеч. перев.*



## ПРОЛОГ

Услышьте меня.

Мы здесь. Мы живы.

Нас связывают тысячи разных нитей: слова, голоса, касания, кровь, песни, провода, дороги, беспроводные сообщения. Мы смотрим на одно и то же солнце на небе, слушаем одни и те же песни по радио, бормочем одни и те же слова себе под нос, когда моем посуду после ужина.

В этом заключается принадлежность к обществу. К нации или человечеству. От человека зависит, где провести границу.

Некоторые события связывают нас сильнее, делают еще ближе. Свадьбы, рождение детей и похороны собирают вместе семьи; катастрофы, войны и спортивные игры объединяют нации, заставляют самых разных людей идти в ногу.



Случается и так, что происходящее захватывает все человечество, переплетает судьбы всех людей, гравитация словно получает импульс, и мир сужается. Мгновение — он становится теснее, и каждый живущий помнит, где он был в ту самую минуту, когда пришла весть.

А иногда мир уменьшается до одного-единственного человека. Одного маленького человека в пустынном фьорде.

## ГОЛОДНЫЙ ДОМ

Из серых сумерек вырывается свет, сверкает над горным хребтом и молоком стекает во фьорд. На прибрежной гальке появился на свет второй ягненок, он тоже темно-рыжий, как и первый.

Чертова тварь, так нестись к морю, чтобы родить, можно подумать, она хотела утопить бедолага. Я смываю кровь с рук, бедолага тем временем неуклюже ковыляет к матери вместе с братом. Овца еще не оправилась, а резвые ягнята ведут отчаянную борьбу с силой земного притяжения, дрожа на тоненьких ножках, борются за свою жизнь на пути к соску матери.

Собака зевает и кладет морду на передние лапы, она устала от поисков. Я высматриваю воронов и чаек, других непрошенных гостей, боюсь, что они налетят на ягнят, оставшихся на хуторском пастбище. Нам нужно домой.

Рыжуха косится на меня своими недоверчивыми овечьими глазами; в них нет ни благодарности, ни послушания. Она лучшая в стаде, всегда ведет за

собой других овец, которые лишь слепо следуют за ней. И то, что она не хочет рожать дома, а несется на берег, словно намереваясь броситься в море прямо во время ягнения, не сулит ничего хорошего.

Я беру ягнят на руки и шагаю домой. Тира показывает дорогу, овца следует за нами с громким бляением, успевая на ходу скусывать бледные травинки. Весна в этом году ранняя. Вероятно, обернется июньскими морозами. Выбор у нас невелик.

Капли талого снега стекают с пожухлой травы, дорога превращается в ручей; то и дело на скалах и горных склонах раздается громкий шум, — зима выпускает фьорд из своих когтей, глыбы снега и камней сползают в море. И всякий раз сердце стучит, как неисправный поршень: они здесь, нашли меня, черт возьми.

Нет, еще нет.

Иногда беспокойство гонит меня к фьорду и на склоны, откуда я осматриваю свое маленькое королевство, эту бесплодную голодную вотчину, и убеждаю себя, что она хорошо скрыта от посторонних глаз в скалах и кустарнике; покинутый хутор, в котором, кажется, уже не одно десятилетие никто не живет, Голодный дом, имевший когда-то другое, более оптимистичное название. Нынешнее не искушает судьбу, я на него полагаюсь.

На небе ни облачка; нигде не вижу струек дыма, не слышу ни лая собак, ни человеческих голосов, ни шума моторов. Однако я этому не доверяю, скрываюсь в доме, как лиса в норе, как бокоплав под камнем, беглый преступник с двумя похищенными ягнятами. Дневной свет — ненадежный друг, но по-

сле бесконечной темной зимы я не могу его проклинать.

Загоняю Рыжуху с ягнятами к другим овцам, затем иду в дом. Встаю на пороге, закрываю глаза и втягиваю носом воздух; в доме пахнет влажностью, овечьим пометом и мокрой псиной. Резкий запах несет удивительное чувство защищенности.

Дверной косяк был когда-то выкрашен в белый цвет, но теперь посерел от старости, стал гладким и мягким на ощупь, как женская рука, и я глажу его, проходя в дом. Это одна из тысячи дурных привычек, которые наполняют мое существование, составляют мне компанию или что-то вроде того.

Восемь ступенек, и я в старой общей комнате, где на конторке под маленьким окном меня ждет дневник. Страницы истрепались и отсырели. Сегодня 15 мая, примерно. Безоблачное небо, штиль, восемь градусов тепла. Рыжуха родила двух темно-рыжих ягнят. Могло быть и хуже.

Я кутаюсь в одеяло, достаю из выдвижного ящика варежки и стараюсь не смотреть на маленькую чугунную печку. Слишком ясная погода, чтобы топить, все равно что запустить сигнальную ракету.

Остается только писать. Вспоминать и записывать. Однажды я назвал себя летописцем современности, и в этом что-то есть. Нет худа без добра. Сейчас я могу описывать давние события, сожалеть о том, что произошло, обуздывать прошлое, вспомнить, как распалась связь, как потух свет и опустилась тьма.